

- Войтов В.Е.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI – VIII вв. – М.: Гос. музей Востока, 1996. – 152 с.
- Вяткина К.В.** Монголы Монгольской Народной Республики // Восточно-Азиатский этнографический сборник. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 159 – 271.
- Добжанский В.Н.** Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1990. – 162 с.
- Доржсүрэн Ц.** Шивээт улаан гэдэг юу вэ? // Шинжлэх ухаан техник. – 1957. – № 1. – С. 46 – 48 (на монг. яз.).
- Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – М.: АН СССР. – 1952. – Т. 1, № 24. – С. 72 – 120.
- Ермоленко Л.Н.** Древнетюркские изваяния с сосудом в обеих руках // Первобытная археология. Человек и искусство: Сб. науч. трудов, посвященных 70-летию Я.А. Шера. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 48 – 53.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 638 с.
- Кляшторный С.Г.** Эпиграфические работы в Монголии // АО 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 575 – 576.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кубарев В.Д.** Открытия в долине р. Урсул // АО 1985 года. – М.: Наука, 1987. – С. 250 – 251.
- Кубарев В.Д.** Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001а. – С. 24 – 54.
- Кубарев В.Д.** Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001б. – № 4. – С. 95 – 107.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д.** Новые каменные изваяния Алтая // Изв. лаб. археологии Горно-Алт. гос. пед. ун-та. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1995. – № 1. – С. 149 – 163.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д.** Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 76 – 95.
- Кубарев Г.В.** Новый серебряный сосуд из Талдуайра // Изв. лаб. археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1995. – № 1. – С. 164 – 182.
- Кубарев Г.В.** Халат древних тюрок Центральной Азии по изобразительным материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 81 – 88.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 207 с.
- Митько О.А., Тетерин Ю.В.** О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 396 – 404.
- Могильников В.А.** Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 29 – 43. – (Сер. “Археология СССР”).
- Монгол нутаг дахь туух соёлын дурсгал:** Сэдэвчилсэн лавлах [Историко-культурные памятники Монголии: Энциклопедический справочник]. – Улаанбаатар: Gamma, 1999. – 286 с. (на монг. яз.).
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии: (Результаты путешествия, исполненного в 1876 – 1877 годах по поручению Императорского Русского Географического общества). – СПб.: Б.и., 1881. – Вып. 2. – 90 с.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.** Очерки искусства Средней Азии. – М.: Искусство, 1982. – 270 с.
- Савинов Д.Г.** Древнетюркское время // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 146 – 152.
- Харжаубай С.** Шивээт Улааны цогцолбор дурсгалан // Туухийн судлал. – Улаанбаатар, 1979. – Т. 14, Ф. 2. – С. 15 – 23 (на монг. яз.).
- Харжаубай С.** Шивээт Улааны цогцолбор дурсгалан тухай дахин егуулэх нь // Археологийн судлал. – Улаанбаатар, 1982. – Т. 10, Ф. 7. – С. 103 – 120 (на монг. яз.).
- Alt-Altische Kunstdenkmäler** (Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887 – 1889) / Herausgeber H. Appeltgren-Kivalo. – Helsingfors: S.n., 1931. – 47 S.
- Kubarev V.D., Zevendorz D.** Steinstelen aus der Westmongolei // Eurasia antiqua. – Berlin: Verlag Philipp von Zabern; Mainz/Rhein, 1997. – Bd 2. – P. 571 – 580.
- Novgorodova E.** Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig: Verlag E.A. Seeman, 1980. – 280 p.
- Provisional report** of researches on historical sites and inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 / Eds. Takao Moriyasu, Ayudai Ochir // The Society of Central Eurasian Studies. – 1999. – P. 1 – 22.
- Ramstedt G.J., Granö J.G, Aalto P.** Materialien zu den altturkischen inschriften der Mongolei. – JSFO. – 1958. – N 60. – S. 62 – 76.

Материал поступил в редколлегию 11.04.02 г.

УДК 903.27:73/75

Д.Л. Бродянский

Дальневосточный государственный университет
ул. Алеутская, 56, Владивосток, 690600, Россия
E-mail: hist@deans.dvgu.ru

ВОРОН, ХОЗЯЙКА МОРЯ И ДРУГИЕ ПЕРСОНАЖИ МИФОВ В БОЙСМАНСКОМ ИСКУССТВЕ

Источники

Читатели уже встречали на страницах журнала материалы по искусству бойсманской неолитической культуры [Бродянский, 2001а], тогда была высказана надежда на реконструкцию мифов, отраженных в этом искусстве [Там же, с. 65]. Продолжающиеся раскопки памятника Бойсмана II экспедицией Дальневосточного университета под руководством А.Н. Попова в 2000 – 2001 гг. принесли новые находки, впервые позволившие выделить персонажи и отдельные сюжеты мифов. Прочтение ископаемого искусства всегда требует построения своеобразной билингвы – двуязычного текста, где язык одной из его частей известен (из числовой символики, записей мифов, сказаний, песен) либо поддается астроархеологическому анализу, сопоставим с уже дешифрованными археологическими источниками, прочитывается из сравнения с источниками этнографическими.

Бойсмана II, нижний слой памятника – сезонный промысловый лагерь на берегу древней лагуны, его обитатели 6 500 – 5 000 л.н. ловили рыбу, охотились на наземных и морских животных [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997], выращивали и добывали устриц [Бродянский, Раков, 1996]. Время от времени они здесь же хоронили своих близких, и эти люди, как установили Т.А. Чикишева и Е.Г. Шпакова, – арктические монголоиды, сопоставимые с оленными чукчами [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997, с. 79]. Деформация черепов, морская ориентация экономики: морская охота, гарпуны, модели лодок – комплекс культурных признаков, хорошо согласующихся с антропологической характеристикой очевидных предков северян, обитавших в раннем неолите на берегах залива Петра Великого. Из данной фактологической базы неизбежно следует обращение к мифологии,

фольклору, обрядам северян при дешифровке бойсманского искусства. Однако это не исключает источниковедческий поиск в мифологиях Китая, Кореи, Японии, приамурских народов.

Настоящим прорывом в распознавании образов бойсманского искусства стало обнаружение двухстороннего петроглифа на треугольной плитке плотного серого пермского песчаника (рис. 1, 2). Плитка размерами 142 × 120 × 50 мм оформлена сколами по краям, на каждой из двух плоскостей выскоблены по два круглых углубления в форме чаш-конусов, одна из плоскостей (рис. 2, 2) разделена естественным извилистым уступом высотой 4 – 5 мм. При первой публикации [Бродянский, 2001б, с. 56 – 57] эти треугольные личины не были опознаны, но позже Н.А. Кузнецова, поработавшая с коллекцией из могильника на о-ве Ратманова в Беринговом проливе, подсказала мне, что одна из них (рис. 1, 1; 2, 1) – Ворон, центральный персонаж берингийской мифологии [Мелетинский, 1979]. Действительно, треугольная личина с большими круглыми глазами, округлым лбом и мощным острым клювом сопоставима с изображением Ворона в деревянной скульптуре с о-ва Ратманова и такими же изображениями на древке и лучке сверла из Эквенского могильника на Чукотке [Арутюнов, Сергеев, 1975, рис. 52, 4; 53, 2].

На противоположной плоскости (рис. 2, 2) – расчлененная голова волка, при вращении этой плоскости можно увидеть в разных ракурсах головы оленя и медведя.

Голова Ворона включена в видеоряд полиэйконической фигурки-подвески из кабаньего клыка, найденной на погребальной площадке исключительного по насыщенности произведениями искусства вторичного погребения № 7 второго бойсманского могильника. Размеры подвески 50 × 30 × 4 мм, диаметр от-

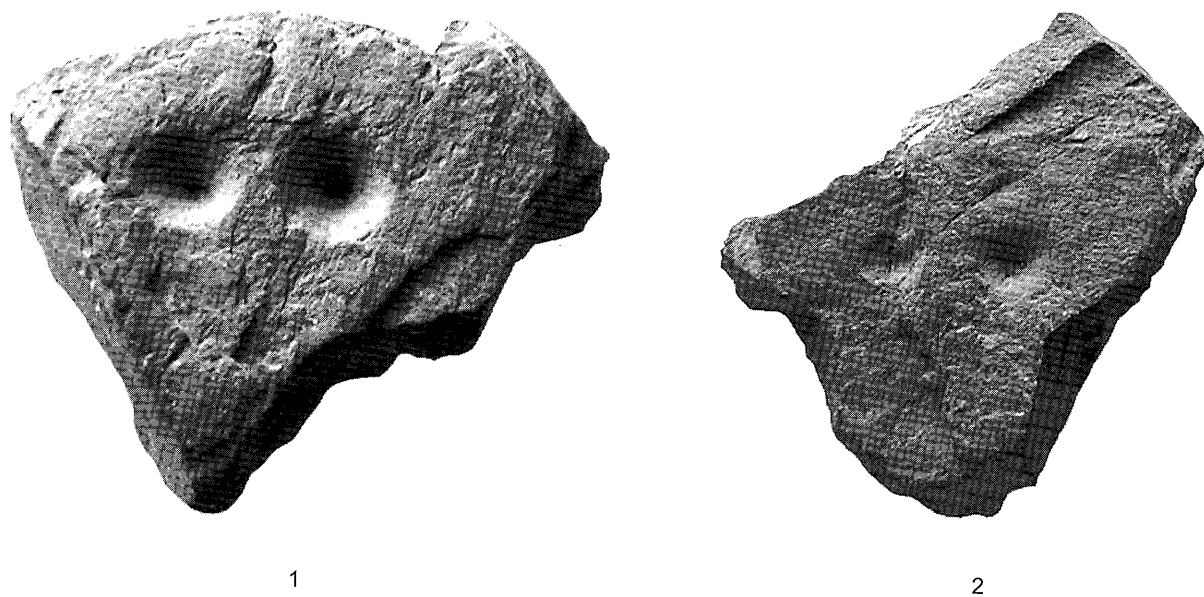

Рис. 1. Двухсторонний петроглиф (песчаник). Бойсмана II.
1 – лицевая сторона, 2 – оборотная.

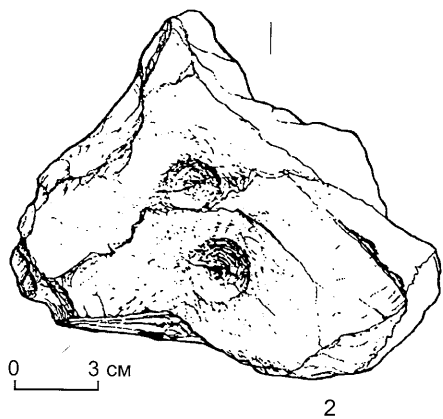
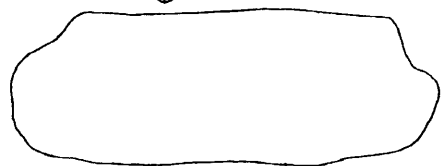
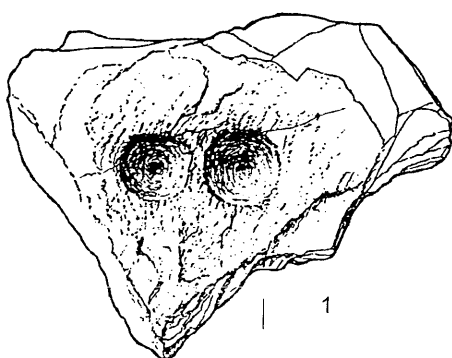

Рис. 2. Петроглиф. Бойсмана II.
1 – Ворон, 2 – расчлененный волк.

Рис. 3. Подвеска – Ворон (кабаный клык). Бойсмана II.

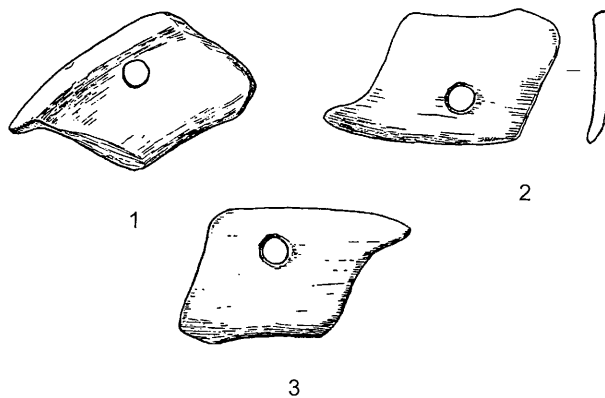

Рис. 4. Подвеска из кабаньего клыка. Бойсмана II.
1 – Ворон, 2 – кабан, 3 – собака-рыба.

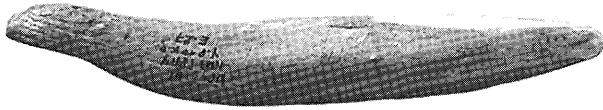

Рис. 5. Фигурка ларги из зуба сивуча. Бойсмана II.

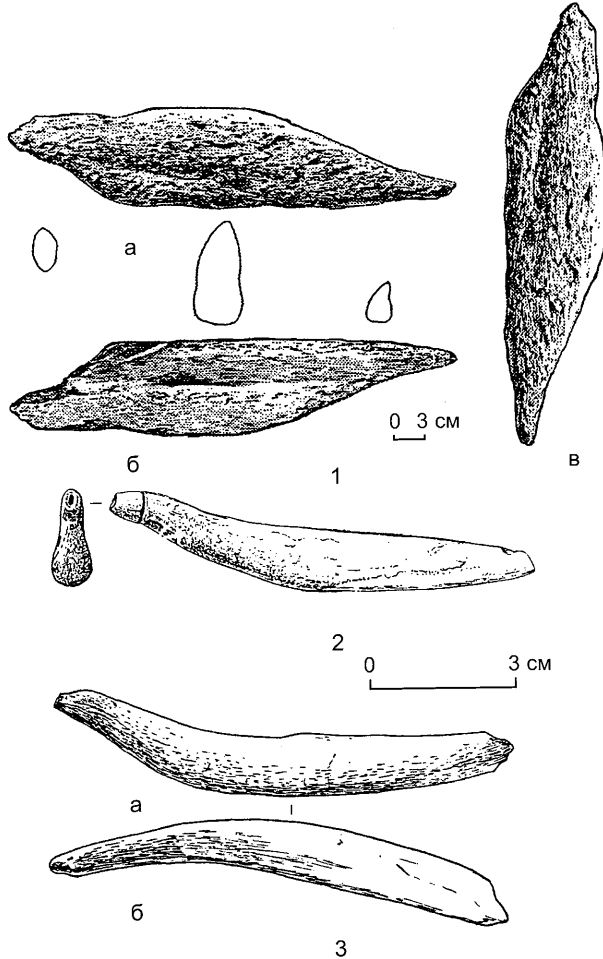

Рис. 6. Полиэконические фигурки из ребра кита (1) и зубов сивуча (2, 3). Бойсмана II.

1: а – ларга, б – самец горбуши, в – женщина в кашпоше; 2 – сивуч; 3: а – ларга, б – кит.

верстия 6 мм. В наклонном положении треугольный выступ становится клювом, отверстие – глазом, а вся подвеска – головой Ворона (рис. 3; 4, 1). Два других ее ракурса – кабан (рис. 4, 2) и собака-рыба (рис. 4, 3).

На той же погребальной площадке найдена фигурка из зуба сивуча: в одном ракурсе – ларга (рис. 5; 6, 3а), в другом – кит (рис. 6, 3б). В жилище № 2 обнаружено аналогичное изображение сивуча из зуба того же животного (рис. 6, 2).

Соединение в одной фигурке разных образов можно видеть и в опубликованной находке из кости

Рис. 7. Фигурка гусеницы (раковина). Бойсмана II.

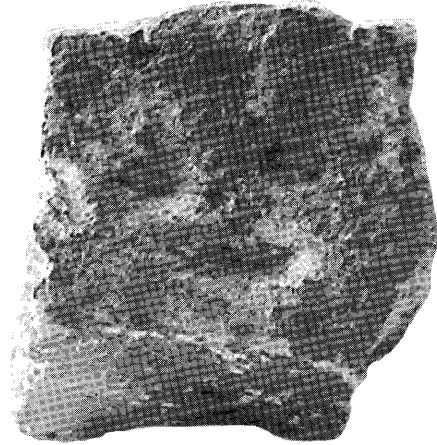

Рис. 8. Плитка туфопесчаника с поселения Гвоздево III – кот с мышью.

кита (кит и тюлень) [Бродянский, 2001а, рис. 2, 2], и в лучшей из таких фигурок (рис. 6, 1): в одном ракурсе – ларга (рис. 6, 1а), в другом – самец горбуши (рис. 6, 1б), а вертикально – женская фигура в кашпоше (рис. 6, 1в); материал – ребро серого кита, размеры 400 × 90 × 42 мм.

Отмечу еще из качественно новых находок фигурку гусеницы (рис. 7) из створки раковины *Anadara broughtoni* – подвеска или несомкнутый браслет, размеры 70 × 13 × 2 мм. Выточенная округлая головка 8 × 8 мм и естественный край раковины реалистично передают изображение гусеницы. Ранее в печати сообщалось о нефритовых изображениях личинок в материалах культуры хуншань на юге Маньчжурии [Алкин, 1995].

На вновь открытом А.Н. Поповым бойсманском поселении Гвоздево III вблизи бухты Экспедиции найдена плитка легкого туфопесчаника 150 × 132 × 55 мм, одна широкая и одна узкая стороны подшлифованы, на широких плоскостях небольшие искусственные ямки, следы пикетажа. Цвет камня рыжевато-серый с отдельными ржавыми пятнами, а там, где поверхность камня нарушена, – белый. Поначалу плитка не была оценена по достоинству, но после отмычки на одной из широких плоскостей отчетливо выступило изображение кота с мышью во рту (рис. 8; 9, 1). Шлифовкой выделены острые прижа-

Предварительный анализ

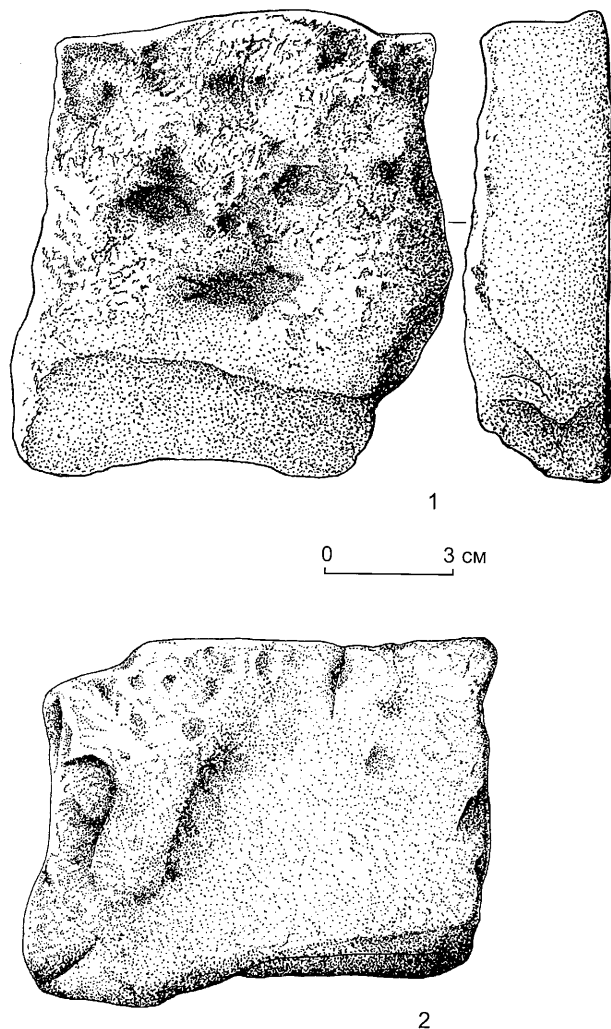

Рис. 9. Плитка с поселения Гвоздево III.

1 – лицевая сторона – кот с мышью, 2 – оборотная сторона.

тые ушки, ямками и пятнами показаны глаза, нос, мышь. Скорее всего, изображен дальневосточный лесной кот (он же – амурский лесной) *Felis euptilura Elliot*. Он похож на домашнюю кошку, но крупнее; длина тела 75 – 90 см, хвоста – 35 – 37 см. Окрас от серовато-желтого до бурого с рыжим оттенком, от глаз к затылку – две светлые полосы. Обитает по всему Приморью и в Хабаровском крае [Млекопитающие СССР, 1965, с. 152 – 153; Редкие позвоночные животные..., 1989, с. 209 – 210]. Кот, поймавший мышь, – сюжетный рисунок, редчайший в неолитическом искусстве. Ближайшая по времени и месту аналогия – догу-кошка (с человеческим торсом и трехпалой лапой) из среднего дзёмона Японии [Памятники древней истории, 1973, фото 21]. На обороте плитки из Гвоздева III ямками, шлифовкой и пикетажем нанесен еще один рисунок. Если развернуть плитку на 90° (рис. 9, 2) слева от зрителя – раскрытая пасть леопарда (по определению В.А. Ракова).

Ворон и волк из Бойсмана II, кот с мышью и леопард (?) из Гвоздева III – первые сюжеты, опознанные в серии из 19 портативных петроглифов бойсманской культуры. Реалистическое изображение кота бесспорно и должно поколебать позицию скептиков в отношении художественной природы “чашечных” камней. Тем более что их инструментальные функции как раз остаются недоказанными.

Мысль о южном происхождении современных народов Северо-Восточной Азии, а также эскимосов, алеутов, индейцев Аляски неоднократно высказывалась в литературе [Арутюнов, Сергеев, 1975, с. 184 – 191; Мелетинский, 1979, с. 17]. Антропологические и археологические аргументы в пользу гипотезы о продвижении бойсманцев с юга на север вдоль Тихоокеанского побережья существенно дополнены новой серией находок – произведениями искусства и, в первую очередь, изображениями персонажей вороньего цикла. Рассказы о Вороне – культурном герое, демиурге и трикстире бытуют по обе стороны Берингова пролива. Пара Ворон – волк иллюстрирует широко распространенный сюжет о волке, которого хитрый Ворон (корякский Кутх) разорвал изнутри. Для этого Ворон превратился в оленя и разбросал себя по частям на дороге, где волк его и съел, после чего был разорван [Мелетинский, 1979, с. 45 – 52]. Тот же сюжет записан у чукчей [Там же, с. 22] и эскимосов [Там же, с. 103]. Если плоскость № 2 (см. рис. 2, 2) повернуть на 90° влево, увидим оленя, если вправо – медведя. Эти животные также фигурируют в рассказах о Вороне, который проделывал с ними не менее эффектные операции. Ворон не только птица, он и его жена выступают как антропоморфные существа. Если плоскость № 1 (см. рис. 2, 1) развернуть на 180°, можно увидеть человеческое лицо под капюшоном. Вполне вероятно, что это изображение Мити – жены Ворона, в ительменских и корякских рассказах она много умнее своего мужа [Там же, с. 47 – 51; Стеллер, 1999, с. 150 – 158]. Двухсторонний петроглиф с поселения Бойсмана II содержит в себе целый цикл сюжетов вороньего эпоса. На Шереметьевской скале на р. Усури есть изображение ворона, противостоящего колпице и лебедю [Окладников, 1971, табл. 118, 1].

Бойсманский Ворон имеет аналогии не только на севере, но и на юге. Среди росписей погребальных склепов древнего Когурё есть изображение трехногого Ворона на солнечном диске [Фрески..., 1979, с. 65, 74 – 75]. В китайской мифологии десять солнц несли на себе воронов, эти птицы изображались на солнечных дисках, есть там и созвездие Небесного Волка [Юань Кэ, 1987, с. 37, 120, 145]. На Бейской стеле в Хакасии (не позднее III тыс. до н.э.) большой чер-

ный Ворон нависает над фигурами оленей [Дэвлет, 1990]. В библейском сюжете Ворон посылается с Ноева ковчега на разведку во время потопа [Там же].

Не менее интересен сюжет, где в полиэйконической скульптуре соединены морские и наземные животные и женская фигура в капюшоне. Я уже приводил примеры двух таких фигурок с видеорядом кабан – тюлень – женщина в капюшоне, кабан – акула – женщина в капюшоне [Бродянский, 2001a, рис. 3, 1, 2]. Такой же ряд воспроизведен в самой крупной скульптуре из кости кита, только здесь вместо наземного животного – лосось (см. рис. 6, 1). Есть серия личин под треугольным капюшоном, выполненных на камне [Бродянский, 2001b, рис. 1]. В эскимосских рассказах о животных парка с капюшоном скрывает человеческое лицо, сбросив ее, животное обретает человеческий облик [Бельчик, 2001, с. 189]. В мифах о Хозяйке моря – Хозяйке животных это женщина, посылающая людям китов, моржей, тюленей и рыб [Мелетинский, 1979, с. 86 – 87, 100].

Пара тюлень – кит (см. рис. 6, 3а, б), возможно, воспроизводит сюжет, где тюлень приводит кита – “великого гостя” [Меновщиков, 1959, с. 88 – 89]. Тюлень может быть и сыном Ворона, приводящим кита [Мелетинский, 1979, с. 102]. Вообще, изображения тюленей относятся на Дальнем Востоке к числу древнейших, они встречаются уже в палеолите, широко представлены в малышевской культуре на нижнем Амуре [Медведев, 2000], где связаны с фаллическим и солярным культами. На упомянутой погребальной площадке погр. № 7 второго бойсманского могильника найдены две фаллические фигурки из рога, есть они и в комплексах погр. № 2, 3, 5 второго могильника. Насыпь из раковин над первым могильником венчала галька фаллической формы.

Кота в северных мифах нет, но мышшь, им пойманная, постоянно встречается в рассказах о Вороне [Мелетинский, 1979, с. 31, 43 – 44, 47, 52, 69, 86, 91, 100], при этом, как правило, мышши одурачивают, побеждают Ворона.

В китайской мифологии есть фантастический зверь в виде зеленого кота [Юань Кэ, 1987, с. 197].

Из беспозвоночных в вороньем цикле встречаются пауки, москиты, вши [Мелетинский, 1979, с. 43, 49, 117]. Так что гусеница вполне могла вписаться в этот цикл на его бойсманской стадии развития.

В целом произведения бойсманского искусства, найденные в сезоны 2000 – 2001 гг., – серьезные аргументы в пользу северной концепции дальнейшей судьбы бойсманцев; впервые выделены изображения Ворона, ставшие ключом к пониманию связи этого искусства с берингийской мифологией.

В заключение благодарю Н.А. Кузнецову, распознавшую изображение Ворона, Л.П. Ходзевич, выполнившую все рисунки и снимки, Г.М. Вейнгера, А.Е. Кузина, В.А. Ракова за определения изображе-

ний животных и консультации, М.Д. Рязанцеву – за определение пород камня, А.Н. Попова, С.В. Батаршева, О.Л. Мореву за содействие в сборе материалов.

Список литературы

- Алкин С.В.** Энтомологическая идентификация хуншаньских нефритов (постановка проблемы) // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН: Тез. докл. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 14 – 16.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). – М.: Наука, 1975. – 240 с.
- Бельчик Е.Г.** Маски эскимосов Западной и Юго-Западной Аляски // Тихоокеанская археология. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001. – Вып. 12: Произведения искусства и другие древности из памятников Тихоокеанского региона – от Китая до Гондураса. – С. 184 – 189.
- Бродянский Д.Л.** Обитатели моря в искусстве бойсманской неолитической культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001а. – № 1. – С. 60 – 66.
- Бродянский Д.Л.** Художественные изделия, предметы-знаки, календари в комплексе второго бойсманского могильника // Тихоокеанская археология. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001б. – Вып. 12: Произведения искусства и другие древности из памятников Тихоокеанского региона – от Китая до Гондураса. – С. 54 – 75.
- Бродянский Д.Л., Раков В.А.** Морская адаптация населения и производящая экономика в неолите побережья Приморья // Вестн. ДВО РАН. – 1996. – № 1. – С. 124 – 130.
- Дэвлет М.А.** О космогонических представлениях древних жителей среднего Енисея: Изображения на Бейской стеле из Хакасии // Семантика древних образов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 83 – 91.
- Медведев В.Е.** Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ним представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 56 – 69.
- Мелетинский Е.М.** Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. – М.: Наука, 1979. – 230 с.
- Меновщиков Г.А.** Эскимосы: Научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах. – Магадан: Кн. изд-во, 1959. – 144 с.
- Млекопитающие СССР.** – М.: Мысль, 1965. – 428 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.
- Памятники древней истории.** – Токио: Коданья, 1973. – Т. 3: Искусство догу и верования. – 165 с. (на яп. яз.).
- Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г.** Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 96 с.
- Редкие позвоночные животные советского Дальнего Востока и их охрана.** – Л.: Наука, 1989. – 240 с.
- Стеллер Г.В.** Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Камчат. кн. двор, 1999. – 288 с.
- Фрески периода Когурё.** – Пхеньян: Центр. ист. музей Кореи, 1979. – 96 с.
- Юань Кэ.** Мифы древнего Китая. – М.: Наука, 1987. – 328 с.

Материал поступил в редколлегия 20.05.02 г.